

Инга
Максимовская

КУПЛЮ МАМУ
для сына

Д

О

Р

О

Т

О

Инга Максимовская

Куплю маму для сына. Дорого

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70943599*

Аннотация

- Ты будешь мамой для моего сына.
- С чего бы?
- Потому что он так решил. И потому что я очень хорошо тебе за это заплачу.

На меня смотрят ледяные глаза. В них нет ни жалости, ни каких либо эмоций. Отец ребенка, найденного мной на улице, не шутит. И мне бы отказаться от безумного предложения, но этот властный человек не оставляет мне ни малейшего шанса на побег.

– Ты соглашаешься быть любящей мамой, пока мой сын в тебе нуждается, а я решу твою проблему. Любую. Щелчком пальцев. Поверь, для меня нет невозможного. Так что? По рукам?

И как отказаться от такого предложения? Тем более, что на решение самой важной проблемы в моей жизни у меня всего полгода.

– По рукам, – подписываю я договор, расторгнуть который невозможно.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	42
Глава 8	48
Глава 9	54
Глава 10	59
Глава 11	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Инга Максимовская

Куплю маму для сына. Дорого

Глава 1

– Авокадо очень полезно. Очень. В нем куча ненасыщенных жирных кислот, он полностью покрывает дневную потребность организма в калии. На завтрак обязательно надо есть этот чудо фрукт, хотя по составу он к овощу ближе. Не важно. Рита, ты меня слышишь вообще?

– Слышу, – уныло выдыхаю я в мембрану телефонной трубки, которую прижимаю ухом к плечу. – Уже иду в магазин, покупать.

– Опять в этих своих уродских трениках идешь? Маргарита. Так ты навсегда останешься одинокой, синим чулком, старой девой, пряхой. А я твоя мать. И мне очень...

– Мама, я прекрасно одета сейчас. Дышу духами и туманами, – я вру. На мне любимые спортивные штаны, кеды которым, если мне не изменяет память уже лет пять и куртка моего бывшего, что он забыл, когда сбегал от меня. – И вообще. Мне некогда. Ты сама всегда меня учила, что дорогу надо переходить не отвлекаясь на разговоры по телефону и

не считая ворон.

— Рита, купи яйца еще. Запечешь авокадо с яйцом. Чуть присыпь моцареллой. Не пармезаном, а моцареллой. Твой зад не вынесет еще и жирного сыра. Дочь...

— Угу, — бухчу я, уставившись на крошечную детскую фигурку, застывшую на травяном газоне, разделяющем четырехполосную оживленную дорогу. Мальчик, совсем крошечный. Одет странно, как будто сбежал из фильма ужасов: в коричневый строгий пиджачок, такие же шорты и гольфы, настолько белые, что у меня начинают слезиться глаза. И все проезжают мимо, будто не ребенок стоит посреди дороги замерзший, а невидимка. Я даже моргаю, ну а вдруг это у меня уже глюки на фоне недавно диагностированного у меня «уродства». Да нет, мальчик так и стоит. Ждет, когда загорится зеленый. Не понимает, что надо нажать на кнопку на стоящем рядом столбе, чтобы светофор переключился.

— А еще, не соли... — несется мне в ухо назойливый голос любящей родительницы. Да, любовь моей мамы безгранична и очень абьюзивна. Она умеет заботиться на расстоянии так, что мне иногда хочется оглохнуть и разбить телефон.

Мальчик делает крошечный шаг, и у меня сердце пропускает удар. Телефон пихаю в карман, даже не отключив, и не раздумывая бросаюсь вперед. Главное успеть. Нажимаю кнопку и даже не дожидаясь когда наконец включится разрешающий сигнал. Зажмурившись бегу вперед, слушая визг покрышек по асфальту, ругань и проклятья, которыми осы-

пают меня водители. Мальчик испуганно сжавшись, закрывает ушки руками. Не плачет, не кричит. Просто молчит и мне от этого становится бесконечно страшно.

– Эй, ты в порядке? – беру ребенка за плечи, разворачиваю к себе. На меня смотрят пустые глазенки василькового цвета. И по телу моему пробегает волна ледяных мурашек. Взгляд у мальчишки как у кукушонка из старого хоррора. Но одежда очень дорогая, теперь я могу ее рассмотреть. На кармане мериносового пиджачка вышит логотип какой-то школы. Стрижка у ребенка идеальная. Красивый. Он красивый, словно кукольный. А ручонка, которой он вцепляется в мою ладонь ледяная. – Ты же замерз. Как тебя зовут? Ты можешь сказать откуда ты тут?

Молчит. Все время молчит, пока я сдираю с себя куртку и шарф и закутываю его, чтобы хоть немного согреть. Даже не моргает, не дрожит. Просто смотрит мне прямо в душу и молчит.

– И что мне с тобой делать?

В ответ тишина. Только ладошка в моей руке начинает подрагивать, а во взгляде ребенка появляется какая-то решимость и наливаются они влагой. Боже, он что немой? Не может говорить, отсюда и эта злость. А я глупая и дурная. Он и голодный наверное. Но не домой же тащить чужого ребенка. – Откуда же ты взялся? Ладно, пойдем. Тебя ищут, наверное. Нужно в полицию. Идем, малыш.

Он выдергивает ладошку из моей руки резко, хмурится.

Что же это означает? Он не хочет домой? Может его обижали и он сбежал. Но ребенок ухоженный, одет дорого, нет на нем следов побоев или издевательств. Нет, мальчик необычный.

– Послушай, так правильно. Ты же меня слышишь? Полицейские добрые. Найдут твоих маму и папу. Понимаешь?

Кивок. Слышит и понимает. Чудесно. И даже опять доверчиво дает мне взять себя за ладошку. Только при слове мама как то дергается, а потом даже пытается улыбнуться.

– Только сначала зайдем вон в тот магазин, и купим тебе штанишки теплые и шапку. Ты же замерз?

Снова кивок. Из взгляда малыша исчезает напряжение. Сколько ему? Лет семь, наверное. Хотя судя по тому, как взросло он смотрит на меня васильковыми глазами обрамленными густыми ресницами, возраст определить трудно. Ему и все десять может быть.

Идет за мной послушно, словно доверчивый щеночек. Господи, родители наверное с ума его сходят. С ног сбились. А вдруг его украли, похитители, а он каким-то чудесным образом сбежал? Тогда если меня поймают сейчас с ним за ручку, я загремлю в тюрьму. Черт, мне надо меньше смотреть дурацких сериалов на ночь, запивая их и свое чертово одиночество вином. Малыш тянет меня за руку к витрине с медведем. Мишутка смешной и очень дорогой, сидит прямо в центре инсталляции рекламной и стоит, как крыло боинга. А ребенок тычет пальцем в игрушку так оживленно, что я сдаюсь почти сразу. Что ж, медведь так медведь. Вспоминаю, что

там у меня на карте осталось после зарплаты. Должно хватить если залезть в накопления неприкосновенные. Прости мама, но авокадо откладывается. После сегодняшней прогулки я буду до следующей моей зарплаты продавца зоомагазина, жевать пустые макроны из мягкой пшеницы и наедать зад, про который ты мне все уши прожужжала.

Медвежонок, курточка с динозаврами, шапка которую мальчик нацепил на себя в форме мультяшного миньона, приведшая его в неописуемый восторг и флисовые штанишки делают мою карту не похудевшей, а выжатой до основания. По фигу, зато ребенок теперь даже улыбается и больше не похож на Омена. И ему тепло, а это самое главное.

– Ты молодец и герой, – шепчу я. – Медведя как назовешь?

Снова тишина. Игрушку он прижимает к груди, будто старается за ней спрятаться от этого мира. Идет послушно за мной, вцепившись ручонкой в мою ладонь. Господи, а если бы кто-то другой его подобрал? Люди то разные. Сердце сжимает ледяная рука ужаса. И пока мы идем до полицейского участка, я гоню от себя мысли о том, что сейчас у меня мальчика заберут и я даже не буду знать, что с ним будет дальше.

Глава 2

– А что с ним будет? – смотрит на меня равнодушно молодой лейтенант, или кто он там, я не разбираюсь в званиях. – Отправим в приемник распределитель и начнем искать родню. В сводках нет ничего о пропаже ребенка, так что, скорее всего мальчик просто сбежал.

– У него на пиджачке. Вон там. На кармане написано название школы, – я нервничаю, и поэтому говорю слишком громко, что совсем не нравится сотруднику доблестных органов правопорядка. А меня страшно бесит его равнодушие, прямо аж скулы сводит. Зато мальчик сидит спокойно на дуралюкской деревянной скамейке возле стены выкрашенной зеленой краской и смотрит на игрушечного медведя, и даже улыбается, а может общается с Топтыгиным ментально. Я не смогу его оставить тут одного. Ну какой приемник распределитель? Он и без того напуган.

– Спокойно, дамочка, разберемся. На то мы тут и посажены. И про курточку разведаем, и про то, почему пацан один по улицам шляется. И, кстати, вы его в этой одежде нашли? Игрушка у него была?

– Нет, я купила, – шепчу я. Черт, что я натворила? Может в сводках описана одежда пропавшего ребенка, а я...

– Мать Тереза? – кривится в ухмылке полицейский. – Де-нег девать некуда?

– Мальчик замерз. Я не... Послушайте, а почему вы со мной в таком тоне разговариваете? – я завожусь. Это плохо. Это очень-очень плохо. Потому что я сейчас слечу с катушек, и тогда снова влипну в историю. Хотя, уже влипла, как муха в варенье.

– Ладно не надо кипятиться. Просто я не верю в альтруизм. – морщится лейтенант. Да нет, точно, одна звездочка на погонах маленькая.

– Мне вас очень жаль в таком случае. Доброта мир спасет.

– Подписывай протокол и свободна. Вызовем повесткой если будешь нужна. Там внизу пиши «С моих слов записано верно, и мною прочитано».

– А мальчик?

– С ним будут работать наши педагоги из детской комнаты. Опросят, и потом по инструкции – приемник, детская больница. А потом...

– Нет. Я его не оставлю, – выдыхаю я. Ребенок словно воробышек встрепенулся, смотрит на меня расширившимися от ужаса глазенками. Понял, что я могу уйти сейчас. Черт, черт, черт, ну за что? Почему именно я. – Не уйду без него. Слышите?

– Девушка, покиньте кабинет, пока я не вызвал охрану. Вы свой долг гражданский исполнили, поступили по закону. До свидания.

Мальчик вдруг соскакивает с лавки, бежит ко мне, вжимается в ногу и я слышу...

– Мама, не уходи. Мама...

Мне кажется что неведомая сила поднимает меня в воздух, переворачивает вверх ногами и со всей силы бьет дурной башкой об дешевый линолеумный пол. И дышать нечем, а грудь распирает от яростной боли.

– Мамочка, – шепчет малыш, раздирая всю мою уверенность в том, что я поступлю правильно, в ключья. Прижимаю к себе крошечное тело, уже точно зная, что сейчас я наживу себе кучу неприятностей на мою толстую по мнению мамы задницу. Авокадо мне теперь будет только сниться, потому что в обезьяннике не подадут таких изысков.

– Интересненько. Мама? Почему ребенок говорит что вы его мать? – теперь сотрудник смотрит на меня с подозрением.

– Откуда мне знать, – нервно дергаю я плечом. Мальчик прячется за моей спиной и я чувствую его тепло. – Может перепутал?

– А может ты так решила избавиться от немого пацана? Кто ж вас теперь разберет. Вы то «Я ж мамки». А то кукушки.

– Что вы несете, я бы никогда... Да я мечтаю стать матерью. Вы... Что бы вы понимали, несчастный человек, не имеющий понятия о простом человеческом участии, – сжимаю кулаки. Мальчик за моей спиной тихо поскуливает.

– Ребенка сейчас заберут, а вы задержаны до выяснения. И давайте без глупостей, – поднимается со своего стула лей-

тенант, нажимает на кнопку на селекторе. Время мне кажется жеваной жвачкой. И я смотрю на открывающуюся дверь, в которой появляется строгая женщина. И понимаю, что найденыша ей не отдам. Никому не отдам.

– Мама, – шепчет малыш, цепляется за мои чертовы дешевые треники как обезьянка. – Мама, медвежонок, его будут звать Пузан. Пойдем домой. К папе. Он хороший. Мама. Он очень хороший. Правда. Ты же вернулась? Насовсем? А няня Бу говорила, что ты теперь ангел.

Легкие детские слова рушатся на ошалевшую меня бетонными плитами.

– Пойдем, малыш. Твоя мама тебя тут подождет. А ты мне расскажешь, про мишку своего. Он у тебя красивый и дорогой. Тебе его кто купил? – тетка улыбается, но взгляд у нее остается ледяным и колким.

– Мама, – улыбается ребенок открыто. Его сейчас у меня заберут. Заберут.

– А зовут тебя как? Имя свое ты знаешь? – тетка профи. Мне нужно сейчас, вот прямо сейчас доверить профессионалам ребенка, разобраться с недоразумением и просто уйти.

– Руки от ребенка уберите, – рычу я, вопреки всем воплям голоса разума, раздирающим мою голову болью.

– Мама знает, – улыбается малыш. Берет меня за руку.

– Я не знаю, – шепчу я. Боже, может у меня шизофрения, и я просто сейчас брежу? Ну не бывает же так в реальности. В нормальной реальности здорового человека.

– Мамочка, ну как же? Я Тима. Тимофей Мерзлов. Ты забыла да? Там на небушке память исчезает? Как мой голос, да?

– И вы Мерзлова, так? – пробивается мне в сознание голос лейтенанта. – Маргарита Макровна Мерзлова. Паспорт ваш?

– Мой, – очумело киваю я. – Но... А, это розыгрыш, да? Камера тут где-то скрытая? А вы артисты, блин, – хихикаю я тупо. Ну а как иначе можно еще объяснить творящийся вокруг дурдом. – А я смотрю погоны у вас пришиты плохо, – в один прыжок оказываюсь возле пранкера. Но как у них получилось все так обставить? И я то повелась. Вцепляюсь пальцами в погон со звездочкой. Треск раздается, когда парень отшатывается. И погон в моей руке остается. Смешно.

– Эй. Ты чего творишь? Нападение на сотрудника. Лидия Павловна ребенка уберите, не надо ему видеть... И с дежурки ребят сюда пришлите. Баба то буйная, может под наркотой. Эх, эти богатейки совсем берега теряют. Ребенка меняют на дурь.

– Эй, вы чего? – удивленно шепчу я, когда двое дюжих парней врываются в кабинет и бросаются ко мне. – Шутка затянулась. И не весело вообще. Какая дурь? Я за авокадо шла вообще. И на работу мне завтра, там у нас придут котят прививать.

– В камеру ее до выяснения, – приказывает лейтенант. Да что происходит вообще? Не шутка? Я что реально оторвала погон полицейскому. И теперь меня... Только не это. Мама

меня просто уничтожит. Сначала всех в этом участке, а потом меня. И ребенок. Мальчик, с моей фамилией, зовущий меня мамой. Что с ним будет? Я же за него в ответе.

– Я имею право на телефонный звонок, – фырчу я, пытаюсь не содрогаться от прикосновений чужих рук. – И руки уберите, я сама пойду, куда скажете. Не трогайте. Прошу, у меня гаптофобия.

– А, ну тогда понятно, – морщит лоб чертов сотрудник, у которого с мясом выдран рукав у рубашки. – Ненормальная. И что мне так везет? Как дежурство, так какой-нибудь говномет.

– Гаптофоб, – вздыхаю я. – Это фобия. Боязнь чужих прикосновений.

– Не важно, все одно башка набекрень у тебя. Ребята. Отпустите ее. Пусть звонит. Баба с возу, кобыле легче. И с пацаном не придется возиться. Ты же мужу позвонишь? И как только он тебя одну с ребенком отпускает?

– Лучше, – скалюсь я, почувствовав свободу. А мужа у меня нет и не предвидится.

Глава 3

– Вот ты мне скажи. Тебе почему всегда больше всех надо? Почему я должна бросать «жирную» клиентку, которая собирается отсудить у благоверного, миллиард и нестись вытаскивать тебя из кутузки? Ответь мне, Марго, – Машка злится. Пиджак свой дорогой одергивает постоянно, который сидит на ней, к слову, превосходно. Она не я. Мы полные противоположности. Сестры, но разные как бриллиант и булыжник. И булыжник, как вы догадались, я. Машка супер удачливый дорогой адвокат, мамина гордость, я – разочарование, имеющее два высших образования и протирающее дешевые брюки в магазине, воняющем кормом для собак. – Между прочим, тебя хотели за нападение на сотрудника при исполнении натянуть. Считай с кичи спрыгнула. Можешь праздновать. Не каждый день корячится пять лет за прогулку до магазина. Кстати, в тюрьме бы тебя уважали. Шутка ли, погон «мусору» оторвать.

– Прекрати. И не выражайся, я просто думала, что это пранк какой. А мальчик... Можно подумать ты бы прошла мимо, – морщусь я, стягивая с себя растянутое худы. Сходила, блин, в магазин за авокадо. Знала бы, в каком куртуазном обществе проведу полтора часа своего выходного дня, нарядилась бы «покрасивше». А то бомж и проститутка выглядели гораздо приличнее меня. – Маш, этот мальчик...

– У этого мальчика все шоколадно, Рит. И судя по форме закрытого пансионата для детей с особенностями развития, обучение и пребывание в котором стоит столько, что тебе и мне не снилось, его родители не просто не бедные люди, а космически богатые.

– Но ребенок несчастен. Богатые получается тоже плачут. И фамилия... Блин, у него наша фамилия. Как он оказался на улице? Как? Это же не щенок, за которым не доглядели. Ребенок, маленький и беспомощный.

– Просто однофамилец. И я совсем не хочу знать, чей он. Этот ребенок чужой и проблемный. Ты лучше думай о себе. Мама с ума сходит...

– Боже, ты ей рассказала? – у меня аж горло от ужаса спирает. Хотя, если бы мама узнала, что ее вечную головную боль загребли сотрудники полиции, от кутузки не осталось бы даже решетки.

– Нет конечно, ты что? Я же тебя люблю, и пока не готова есть кутю на твоих поминках. Но... Слушай, я готова помочь во всем тебе, психолога оплачу, хочешь?

– Зачем еще?

– Ну... Слушай, Марго, я понимаю, что тебе сейчас тяжело. Серега ушел, диагноз... Детка...

– Да уж, – выдыхаю я. Вот уж не думала никогда, что родная сестра решит меня мозгоправу сдать. – Знаешь, Машка, что больше всего меня пугало в нашей с Сереней сосуществовании? Не то, что я понимала, что рано или поздно он

меня предаст. И даже не то, что я останусь одна.

– А что? – Машка смотрит на меня с жалостью. Черт. Самый поганый ее взгляд. Эта чугунная дюймовочка так смотрит обычно только на убогих умирающих животных, которых тащит с улицы с самого детства. И эта женщина упрекает меня в том, что я помогла ребенку, нуждающемуся в помощи.

– То, что после секса с ним я думала зафаршировать курицу к обеду, или на шампуре ее гриловать, – хмыкаю я, отвернув лицо к окну. – Знаешь, Маш, что мне сказал Сереня, когда уходил? Что из жалости жить с уродкой не может. Что у него в планах дети, а я... Я уродка. Так что не нужен мне психолог. Лучше помоги оплатить ЭКО. У меня полгода всего. И яйцеклеток по счету. Получается мой бывший, не так уж не прав. Оказывается он отцом мечтал стать, – я хмыкаю, стараясь скрыть боль. Но Машка все видит. Все-все. Мне никогда ничего от нее не удавалось скрыть.

– Бесплодие – не уродство, Ритусь, – ох если бы сейчас моей сестре попался под горячую руку Сереня, она бы его вывернула на изнаку, слишком хорошо я знаю вот это ее выражение лица. Мамины гены. В мне вот не досталось совсем этой яростной генетики, поэтому наверное я урод во всем. – А этот придурок просто скот. Сам он уроду уродский. Какой из него отец? Как из говна пуля, блин. Ритка, послушай, я попробую кредит взять, в конце концов машину продам. У меня пару дело наклеывается очень денежное. Что-нибудь

решим. Может...

– Не может, нет смысла. Я совсем не уверена, что хочу родить от донора из пятьсотсемидесятой пробирки. А мужика нет нормального рядом. И знаешь что я хочу сейчас? Знать, что мальчик в порядке. Ты это можешь?

– Даже и неб буду стараться. Рита, забудь. Это чужой ребенок. У него родители, которые тебя могут закатать под землю, за твой дурацкий интерес и меня заодно. Мальчик живет в пансионе для детей с различными задержками развития. И спрятали его туда не просто так. Есть люди, которым не нужна огласка. Я думаю и фамилия у пацана липовая. Собирайся, поедem с тобой поедим где-нибудь. Отвлечемcя.

– Нет, я поеду в полицию. Пусть мне объяснят, что стало с ребенком, – упираюсь я. Мне не дает покоя жалобный голосок мальчика, который звучит в моей голове непрестанно. Когда его уводили он смотрел на меня таким больным взглядом, что я чуть не сошла с ума. И сейчас не могу думать ни о чем, кроме маленького найденыша, невесть каким злым роком оказавшегося на улице.

– Дура, да? – заводится Машка. Если она сейчас оседлает метлу, будет очень плохо.

– Ты умная. Когда ты ворона домой приволокла мне с вырванным крылом, я слова не сказала.

– Гектор нуждался в помощи. И он говорить научился и вообще... У него не было никого. А у пацана есть родные. Очень серьезные родные, до которых нам как до луны.

– И малыш которого я нашла нуждается в помощи, – уже кричу я, чувствуя себя выжатой словно лимон, до основания. Машка права. Права во всем. Я пытаюсь свою боль и свое горе заместить. Заполнить пустоту. Но этот ребенок не мой. Он чужой. У него есть родные. А то, что он назвал меня мамой... Черт, ребенок особенный, с отклонениями развития, кто его знает, что там в голове его. Я нафантазировала себе... Но он одинок. Он одинок, и я знаю это точно. И ничего не могу поделать.

– Ну хорошо. Я позвоню сейчас в полицию. Рит, не надо. Не плачь.

– Маш, у меня никогда не будет такого счастья, – всхлипываю я, уткнувшись носом в ткань дорогущего пиджака сестры.

– Никогда не говори никогда. И не реви. Тебе завтра котят прививать, придет тот красавчик ветеринар, а у тебя нос как помидорина. Ну, – гладит меня по волосам любимая сестра. В конце концов. Буду помогать ей воспитывать племянников. Когда-нибудь они же у меня будут.

Я сижу в кухне и пью чай. Прислушиваюсь к тихому голосу Машки за стеной. Даже отсюда слышно ее властный тон. Что я чувствую? Звнящую пустоту, которую не заполнить горячим чаем.

– Мальчика забрал отец, – появляется в дверях кухни Машка. – Фамилия у ребенка была материна. Кто отец мне не сказали, и не скажут даже под пытками, я думаю. Судя

по тому, как пришепетывал доблестный сотрудник полиции, там не меньше божества мужик.

– Как же он оказался на улице? – тихо спрашиваю, не надеясь на ответ.

– Детей повезли в кинотеатр. Закрытый показ для мелких мажориков. Нянька не уследила. По инструкции она должна его всюду была сопровождать. Но детей было десять человек, а сопровождающих, вместо пяти, по два на каждого воспитанника, было всего две на всех. Две нянечки слегли с вирусом. Одна сломала ногу, на каше поскользнулась прямо перед походом. Отменить просмотр было нельзя. Идиотки, блин. Вот и промохали бабы мальчонку. Халатность. Мне их даже жаль. Мало не покажется несчастным. Эй, Ритусь...

– Слава богу, – улыбаюсь я натянуто. Мальчик с моей фамилией, такой какого у меня никогда не будет. Чужой мальчик, с глазами цвета васильков. – Маш, я страшно голодная. Поехали есть.

– Только маме не говори, а то ей мой зад не дает покоя, – фыркает моя сестра. Расслабилась, и теперь снова похожа на себя.

– Как, неужели и твой? – притворно таращу я глаза. Но сердце мое не на месте. Не знаю, какое-то предчувствие выкручивает душу. Не пойму только дурное оно, или это просто нервный мандраж отпускает мой измученный стрессом мозг.

Глава 4

– Авокадо, конечно, полезно. Но... – хихикает Машка, заруливая в мой двор. Сумерки красивые, лилово мутные, весенние. Да и жизнь после ужина и бокала Шато Марго, кажется уже не такой омерзительной. А вот двор выглядит странно. Как декорация к фильму про мафию. Огромный представительский седан, сияет даже в полумраке, посреди маленького двора. Два джипа, явно машины сопровождения. Надо же...

– Но торт «Гараш» в сто раз вкуснее, – заканчиваю я мысль любимой сестры.

– Ого, это к кому у вас такие посетители приезжают? – Машуля даже бровь приподнимает от удивления.

– К Вовке Морковкину наверное из третьего подъезда. Он айтишник крутой, – дергаю плечом. Мне не интересно.

– Ясно, что не к бабе Клаве, – хихикает моя любопытная сестрица. – Проводить тебя, Марго? А то вдруг это тебя принц выследил.

– Сама дойду. Не переживай, никто на меня не позарится, – ухмыляюсь я. Телохранитель из Машки, как из той терьера бойцовый пес. Росту в ней полтора метра, а веса как в приснопамятном тое. – Маме привет передавай. Скажи, что я была одета в платье и пальто.

– Обязательно. Еще придумаю аксессуары.

– Сильно только не старайся, а то она нас раскусит, – хихикаю я и выбравшись из крошечной машинки сестры. Машу Машуле рукой.

Родной подъезд сегодня мне кажется странно зловещим. Хотя даже лампочка, о чудо, на месте. Странно, как это дядя Петя еще не выкрутил ее. Обычно он тырит светоч со скоростью двухголового гуманоида из «Людей в черном». А тут прямо чудеса. Я даже решаю прогуляться, хотя обычно пользуюсь лифтом. Мама бы порадовалась такому моему спортивному порыву. Живу я на шестом этаже, и уже на третьем жалею, что так раздухарилась. К двери родной квартиры приползаю, похожая на одышливую старую кобылу. Все таки мамуля права. Надо двигаться. И наверное потому, что мозг не наполняется нормально кислородом, я захожу в квартиру, дверь которой оказывается не запертой. Ну и что. Подумаешь, забыла. Не впервой... Гипоксия отключает чувство самосохранения. Бреду в кухню. Пить хочется адски. Щелкаю выключателем. Под потолком вспыхивает новый плафон, который я ненавижу. Слишком яркий свет, как в операционной. А Серене он нравился.

И я даже рот успеваю открыть, чтобы заорать, потому что...

– Я никого и никогда не жду так долго, – ледяным тоном говорит мужик, сидящий в моем кресле, прямо посреди моего крошечного пищеблока. Держит в пальцах мою любимую кружку с нарисованными на ней обнимающимися лисятами

и пьет МОЙ чай. Это что? Это как вообще?

– Какого черта...? – боже, я BLEЮ, словно мультяшная овца. И взгляда не могу отвести от пришельца. Он кажется огромным, и моя любимая кружка в его руке выглядит жалко и убого. И все кухня эта ему мала, будто жмет в плечах. А костюм наглого бандита стоит дороже этой чертовой квартиры в спальном районе. Стальной, с искрой, шикарный костюм. Чего ему надо тот меня то? Не вакцину же для котенка? Дороже то у меня в квартире все равно ничего не найти. Разве что Машкин кубок позолоченный, который она получила лет пять назад в каких то играх разума. – Что вы делаете в моей квартире? Я вызову полицию. Я...

– Ты сейчас закроешь рот и будешь слушать, – ледяной тон мужчины замораживает все мои внутренности, кажется. И я за своей спиной чувствую движение, и понимаю, что он не один пришел. И те, кто сейчас маячат сзади, наверняка тоже огромные как скалы.

– С чего бы? Если вы грабить меня пришли, то берите все что нужно и уходите.

– Я похож на дурака? – приподнимает бровь мерзавец. На меня смотрят насмешливые глаза, цвета... полевых васильков.

– Вы похожи на бандита и убийцу, – говорю я ровно, хотя хочу верещать от страха. Но, думаю, если я разорусь, то смерть моя будет быстрой, и не факт, что очень легкой.

– Вообще-то я пришел в гости и с определенной целью. –

надо же. Он даже улыбаться умеет. Точнее скалиться как оборотень, и кажется с клыков его кровь капает прямо на шикарную серебристую ткань.

— В гости ходят по приглашению. Что-то я не помню, чтобы я отправляла вам открытку, — ну вот такая у меня защитная реакция на стресс. Я становлюсь наглой и соображать начинаю плохо. — И, кстати, если я не позвоню сестре через пять минут, то она приедет и...

Что она сделает, я даже придумать не могу. Наверное сбежит, закрыв глаза.

— Так позвони, кто мешает? — снова превращается в ледяное божество этот странный мужчина, делает глоток из моей кружки, и я сглатываю, потому что рот у меня пересох, словно я ползла неделю по пустыне. — Влад, дай хозяйке телефон. Набери номер Марии Марковны сам, чтобы Маргарита не утруждалась. Может еще вашему бывшему звякнем? Хотя... Маргарита Марковна, вы не умеете выбирать мужчин, это я уже понял.

— Откуда вы...

— Все про тебя знаю?

Киваю, потому что язык присыхает к небу, не давая мне возможности произнести и слова. Потому что страшно и хочется в туалет. И потому что до ужаса хочется отобрать у этого страшного мужика мою любимую чашку.

— Ты открытая книга, Маргарита. Я тебя читаю. И знаешь, удивляюсь своему присутствию в этой норе. Но...

– Да кто вы такой, вообще? – наконец выдавливаю я из себя слова, усилием воли собирая их из звуков.

– А ты как думаешь? – приподнимает бровь «Человек из стали». Ха-ха, глупость какая, но мысли мои сейчас выдают такие предположения, что голова тяжелеет настолько, что кажется вот-вот лопнет, как перезрелый арбуз. – Ну, удиви меня. Скажи, кто я.

– Я недавно сериал смотрела, – господи, какую глупость я несу. Но у меня вправду нет других предположений. Да уж, денек у меня с утра задался в кавычках. – Так там, вот таким голосом говорил сам дьявол. И псы ваши цепные...

– Сериалы любишь, значит, – он даже и бровью не ведет. Только в васильковых глазах зажигаются искры, и я никак не пойму, смешливые они или издевательские. Но, что ж, сама виновата. Идиотизм всегда смешон, а у меня он часто преобладает над разумом. – Это хорошо. Тогда тебе мое предложение понравится.

– Я смотрю исключительно ужасы, – кривлюсь, чувствуя, что он ведет эту гребаную партию, состоящую из парадоксов и фарса. – Чего надо? Или начинаете говорить адекватно или проваливайте к чертям собачьим, вместе со псами своими адским. Мне на работу завтра. Котят прививать.

Ну да. Я злюсь. Это следующая фаза моего стресса, что будет дальше, даже представлять страшно.

– Еще лучше. Тогда к делу. Я хочу сделать тебе предложение. Сразу предупреждаю, отказаться от него невозможно.

– Что вам надо? Предложение? Подписывать будем кровью девственниц? Упс, тогда я вас разочарую. Вы сговорились сегодня все, что ли? Или это реально какой-то затянувшийся цирковой номер? Короче, жгите и проваливайте. Это моя нора, и вам в ней тесно. В плечах жмет, как я вижу.

– Моему сыну нужна мать.

– Шик. Я в восторге. Прямо колочусь в экстазе. Сыну мама, маме сноха, вам дурочка из переулочка. Браво. Я даже бы поаплодировала, но боюсь меня покусаят ваши Бобики. А теперь проваливайте. Шанс упущен, гаснут свечи. Я спать хочу и писать. Писать даже сильнее.

– Я не договорил, – морщится придурок. Надо же, нарядился как. Просто по Станиславскому, артист. Но я все равно не верю. Зато два амбала, присутствие которых раньше я лишь ментально ощущала, появляются возле табуретки, где я сижу, поджав ноги, словно курица на насесте, занимают возле меня позицию. Напряжены, натасканы и судя по лицам роботов, шутить совсем не намерены. – Меня слушают всегда и никогда не перебивают. Это опасно для здоровья. И ты научишься. Так вот. Сегодня утром ты нашла мальчика на улице. Моего сына. И он решил, что ты ему нужна. Меня зовут...

Точно. Глаза. Его глаза. Они такие же, как у малыша, который весь день не шел у меня из головы. И даже стало казаться, что он мне приснился. А тут... Сердце сначала делает кульбит. И тут же пускается вскачь. И взгляд этого мужчины

я тоже видела, но никак не могла вспомнить где. А теперь...

– Алексей Романович Ястребов. Еще раз повторяю, меня никогда и никто не пербывает. Привыкай.

– До свидания, Алексей Романович, – выдыхаю я, надеясь на чудо. Черт, твою мать. Только я могла так попасть. Только с моим везением.

Глава 5

Я вспомнила где видела этого человека. Этот взгляд пронзающий насквозь, волевой подбородок, губы, скривленные презрительно, словно из гранита вытесанные. Вспомнила и как-то сразу разжелала гусарить. Ястребов, точно. Человек, о котором ходят легенды одна другой страшнее. Великий и ужасный. Один из богатейших людей страны, постоянно мелькающий на экране телевизора в новостных блоках и обросший такими легендами, что даже будь он оборотнем мне бы сейчас не было так страшно. Что ему надо от меня? От меня – серой мыши, просяживающей дешевые штаны в зоомагазине, влачащей существование без будущего. Точнее не так, будущее мое прозрачно и предрешено. Я закончу свои дни в компании десятка кошек и копеечной пенсии.

А он смотрит на меня сейчас, словно на гусеницу, которую не раздавил только из интереса, получится из нее бабочка или нет и губы свои чертовы кривит.

– Маргарита послушайте, – наконец прерывает затянувшееся молчание мой гость. – Я предлагаю вам сделку. Не заставляю, что большая редкость. Не ломаю вас, хотя мог бы. Всего этого я не делаю, потому что вы нужны моему сыну. Вы, а не запуганное существо, которое я при желании моем горячем, давно бы доставил наследнику не спрашивая на то вашего позволения.

– Вы можете, – давлЮ из себя улыбку. И мне, вот уж чудо, совсем не страшно. Что может быть страшнее ранее нарисованной мной картинки старости? Разве только вот эта его ухмылка, блин. И глаза, вымораживающие насквозь. – Я надеюсь это все таки шутка.

– Могу. И нет-не шутка. Я хочу вас купить. Как помните в фильме старом французском с Жераром Депардьё, кажется?

– С Пьером Ришаром. Фильм «Игрушка» назывался.

– Не важно. Я могу сделать вас, Маргарита, богатой женщиной. А так же решить любую вашу проблему щелчком пальцев. Поверьте, невозможного для меня нет. И принципами тоже я не обременен.

– Зато я обременена и я не продаюсь. Ну вот такие у меня установки, простите. Слушайте, ну чего вам я то именно так пригорела? Наймите сыну няню с оксфордским образованием, десять нянь наймите. Я не умею с детьми управляться. У меня нет необходимых знаний и навыков. Я котят то вон воспитать не могу. Не хотят, праразиты сладкие, в лоток ходить, хоть ты тресни. А еще у них пищевые привычки неправильно выраба...

– Ты можешь избавить меня от шикарных подробностей кошачьего пищеварительного недержания? – кривится Ястребов. Амбалы тихо хрюкают, их ситуация явно веселит.

– Могу. Просто уходите. И вам не придется слушать. Все просто.

– Все очень сложно, дорогая Маргарита. Мой сын не раз-

говаривал два года. С тех пор как его нашли на обочине дороги. Его мать, с которой он поехал к бабушке исчезла бесследно. Просто испарилась, вместе с машиной. А мальчика просто пожалели, наверное. А, может, решили не возиться, – голос громадного мужика теперь звучит глухо, и лицо его становится непроницаемым. Не понять о чем он думает. – Я вложил кучу средств, использовал такие ресурсы для поисков, которые тебе во сне не могли присниться, Маргарита. Гельку признали мёртвой. Мой сын с тех пор не сказал ни слова, ушел в себя настолько, что стал казаться роботом. Ел, пил, жил, но только оболочкой. Пришлось его в интернат определить, все думал его там раззомбируют. Сегодня он заговорил и ожил. Медведя твоего из рук не выпускает. И пока ты ему нужна, ты будешь с ним рядом. Поняла?

Мое сердце скачет в груди, разрывается болью. Я вспоминаю глаза мальчика, пустые и безжизненные. Такие, какими их увидела в самом начале нашего с крохой знакомства. И я очень хочу помочь ему быть счастливым. Но не так.

– Моему сыну нужна мать, которой он тебя назначил. И если для того, чтобы он был счастлив мне придется тебя выкрасть, поверь я не раздумывая это сделаю. А заставить тебя быть послушной очень легко. Влад, пакуй, – хлесткий приказ приводит меня в чувство. Амбал, словно тень движется ко мне.

– Подождите.

Легкий взмах руки Ястребова останавливает движение

приближающегося ко мне человека-горы.

– Вы сказали, что решите ЛЮБУЮ мою проблему если я соглашусь? – делаю нажим на слово «Любую». Алексей Романович приподнимает свою бровь, с интересом на меня смотрит. Хотя я уже готова согласиться на все, лишь бы снова увидеть маленького мальчика, которому я нужна. Без всяких условий, просто потому, что целый день думала о малыше, словно он мой ребенок. Мой маленький мальчик. Это глупо и странно. И скорее всего я просто дура, но...

– Абсолютно. Любое. Называйте цену. А говорила не продаешься.

– Мне не нужны деньги.

– Ты странная. Деньги любят все, – щурится он насмешливо, становится похож на хищного кота, – а ты на чужого ребенка потратила все свои сбережения. Кстати, я там возместил. Можешь проверить карту. Считаю это авансом. – Так что, по рукам?

Я достаю телефон, подчиняясь приказу. Черт, мой счет сроду не видел цифр с таким количеством нулей. Он знал все наперед. Знал, что я соглашусь. Точнее, он все давно решил за меня.

– Это задаток, – снова эти губы скривленные. И взгляд прямо под кожу.

– Это очень много за медведя и шапочку.

– Это очень мало за мое спокойствие. Так что, по рукам?

– Я еще свое желание вам не озвучила, вдруг вы передума-

ете, – хриплю я, борясь с головокружением и страхом. Черт, куда я лезу? Зачем? Он ведь меня пережует и выплюнет, когда я стану ненужна. Или, чего лучше, исчезну так же, как его жена бесследно. С него станется. – И условия.

– Ого, мне никогда никто еще не ставил условий до сегодняшнего дня. Ну давай, как ты там говоришь? Жги, – его хохот звучит чужеродно и зловеще. А может я просто себя накрутила? Еще бы, обнаружить у себя в квартире человека, к которому и подойти то невозможно без записи, небожителя.

– Я занимаюсь только Тимошей. Два выходных в неделю. С вашей стороны никаких поползновений, в любом формате. И я хочу... Я...

– Давай пока остановимся на условиях. Первое – моего сына зовут Тимофей. Не Тимоша, не Тима и не Тиша. Второе – расслабься. Я не настолько искушен, чтобы приставать к женщине в трико. По поводу желания...

– У меня осталось полгода на его осуществление. Я хочу ребенка, – выпаливаю я в лицо ошалевшему олигарху. Он реально ошалел, судя по выпученным глазам. И амбалы тоже, по моему озадачены и растеряны.

– Ты что, хочешь, чтобы я... – наконец сдавленно спрашивает Ястребов. – И как это вяжется с твоим условием про поползновения? Может Владика вон попросим, ну или купим тебе известного артиста для этого дела? Ты правда нормальная? Справки нет от психиатра. Хотя, мои люди тебя

пробили, чистая вроде.

– Этим вопросом надо было задаться прежде, чем предлагать незнакомой тетке стать мамой вашего сына, – ехидно улыбаюсь я, хотя вот-вот собираюсь свалиться в обморок. В крови гудит адреналин так, что глушит все звуки вокруг. – Я просто хочу, чтобы вы помогли мне исполнить мою мечту. Просто оплатите мне ЭКО, артиста тоже можно, кстати. Ну, биоматериал, в смысле. Расслабьтесь, яне зарюсь на ваше царское семя. Что, уже жалеете, что явились сюда?

– Поехали, – ухмылка у него, как у кота Чеширского. Черт, черт, черт. Как это поехали? Ой, а я что думала, что мне сына олигарха привезут в мой скворечник? А можно еще все отменить? Милый боженька, пожалуйста...

– Мне надо собраться и предупредить родных, отпуск взять, то-сё, – обморочно шепчу я, понимая уже, что никто мне не поможет. И у боженьки на меня явно другие планы. – Да и у котят завтра...

– Поехали. Все что тебе нужно в доме есть. Все остальное получишь по первому требованию. Из зоомагазина ты уволена три часа назад, когда отрывалась в ресторане с сестрой. Родне позвонишь завтра, сначала пройдешь инструктаж у моего начбеа. Он скажет тебе, что можно говорить, а что нежелательно. Про выходные – забудь. Привыкай, что мы теперь счастливая воссоединившаяся семья, а ты мать моего сына. Все передвижения только с охраной.

– Что? – я аж присвистываю от офигения. Что он сказал?

Семья? Такого уговора не было. Какого черта? – Эй, вы... Это все лишнее. Мы не семья. Я просто...

– Шевели поршнями, дорогая, – скалится мой новоиспеченный работодатель. – Ты ведь хочешь ребенка?

– Я еще могу отказаться?

– Нет, дорогая.

Глава 6

А я ждала увидеть не красивое поместье в викторианском стиле светящееся, словно игрушечное, а замок Синей Бороды, с горгульями на стенах и черепами поверженных врагов заборе. Уставилась в окно, открыв от восторга рот. Словно девочка, которую привезли в Диснейленд, исполнившие ее заветную мечту, родители. В вечернем, почти ночном марке, мне дом показался сказочным. И даже гнетущее молчание, висящее всю дорогу в кондиционированном воздухе шикарного автомобиля, перестало мне казаться тяжелым и злоеющим.

– Какой красивый дом, – совершенно искренне прервала я затянувшуюся тишину. – И природа. Слушайте, красиво живете, господин олигарх. Надо же, особняк почти в лесу. И озеро... И сосны. Они до неба достают.

– Я рад, что вам понравилось, – эта улыбка его кривая. Не поймешь, что она означает. Глаза моего работодателя, почти всегда остаются ледяными. – Моя жена этот дом ненавидела. Вы разные. Совсем. Тимофей ее не помнит, странно.

– Странно, – я снова замолкаю. Неприятно становится. Не пойму от чего. Может от равнодушия в голосе Алексея Романовича. Он говорит о жене, которую потерял, безо всяких эмоций. Лучше на сосны смотреть и не анализировать чужие отношения. Здоровее буду психически. Что мне до него? Я

тут совсем не ради этого короля мира.

Машина останавливается у широкого крыльца, шурша по гравию дорогими шинами. Я нетерпеливо хватаюсь за ручку. Тесно. Мне с ним тесно рядом сидеть на широченном сиденьи почти лимузина.

– Не нужно, Маргарита, – морщится Ястребов. Он сейчас кажется мне огромной глыбой льда, а не человеком. – Жди, водитель должен дверь открыть перед тобой. Ты теперь не продавщица котят, привыкай.

– Я и сама в состоянии. А продавщицей котят мне нравилось быть, – эти экивоки и правила уже начинают меня раздражать. Я хочу глотнуть соснового звездого воздуха, и скорее увидеть моего мальчика. Боже, видно я сошла с ума. Это не мой ребенок. Мир не мой, и дом этот... Все чужое, ненастоящее, будто декорация к пьесе, в которой мне предрешили сыграть главную роль. Но я чувствую, что именно вот это все сейчас мне нужно. Я должна быть тут. И мальчик этот во мне нуждается, а я в нем.

– Это правила. Правила семьи. В этом доме все подчиняется определенному уставу, – ровно говорит глыба льда. Ха-ха, он реально похож на барона из страшной сказки, и свет, отраженный от тонированных стекол, окрашивает аккуратную щетину в цвет почти кобальтовый.

– Я не ваша семья, господин Ястребов, это вы понимаете? Я няня Тимофея. Примите это к сведению. Моя семья, кстати, до сих пор не в курсе, что я здесь. Учтите, Машка

перетряхнет этот город, просеет через сито, если я не дам о себе знать.

– Вы его мать. Он так решил. Так что будьте любезны не разочаровывать ни моего сына, ни меня. Кстати, улыбайтесь. Он вас встречает. Он вас встречает, а вы его... любите. Это ваша работа.

– Любовь – не работа, если вам, конечно это ясно, – да не вредничаю я. Просто мне обидно.

И улыбаться меня не нужно заставлять. Губы сами расплываются, когда я вижу мальчика, бегущего по ступеням, с медведем игрушечным в обнимку. В шапочке в виде миньона и с такой сияющей радостью на лице, что плевать я хотела на все правила. Дергаю ручку на дверце, распахиваю ее настежь, выскакиваю прямо в распахнутые объятия моего мальчика, не слушая злого раздраженного сопения моего работодателя. Пусть хоть на мыло изойдет. Правила, выдумщик.

– Мама, – у меня в животе свивается тугой узел, а горло сдавливает будто удавкой. – Ты приехала. Я так ждал. А няня Бу сказала, что если я поем и посплю, то ты быстрее приедешь. Я поел и притворился, что поспал. Наверное поэтому так долго вышло, да? Потому что обманывать плохо. Но я ждал, очень-очень. А папа такой радый был, что я снова научился говорить. Даже меня подкинул в воздух. Но потом поругал, что я сбежал. А я не сбежал. Я тебя ходил искать. И нашел. А никто мне не верил. И папа не верил. Но я то

ждал. А ты так долго...

Да, обманывать плохо. Очень-очень плохо. А я ведь сейчас его обманываю. Я не его мать. Я самозванка. А мужчина, стоящий сейчас рядом со мной, просто демон во плоти.

– И я очень ждала, – я говорю правду сейчас. Абсолютную, чистую, искреннюю. Надо же, а Синяя Борода умеет быть человеком. И сейчас, он так смотрит на сына, что кажется его подменили инопланетяне. Столько боли во взгляде ледяного человека, и тепла. Тьма в глазах, тьма в душе и ночь такая темная накрывает землю. Интересно, как у такого чурбана мог родиться такой чудесный ребенок? – И чем же тебя кормили? Ну-ка признавайся. Наверное ты ел кашу, как в мультике?

– Нет. Я ел бутерброд. Потому что я не люблю есть. Меня тошнит как поем. Пойдем домой, мама?

– Ну и зря, – шепчу я заговорчески, прямо в дурацкую шапочку, пахнущую молоком и сладостью. – Я вот лично очень люблю есть. Это весело и вкусно. Только что-то не похожее на авокадо. А вот например белый хлеб с сахаром вкуснее пирожного. Пробовал?

– Нет, – загорается глазенками мальчик. – Ты мне сделаешь? А авокадо я тоже не люблю. Буэ, – морщит носик малыш, и я вижу, что к у него не хватает переднего зуба. Трогательный. Самый замечательный. Он похож на отца. Очень похож. Только более мягкие черты лица, не потерявшие человечности. Прижимается ко мне всем телом. Словно боит-

ся, что я исчезну. Никуда я не денусь. Не смогу.

– Почему мой сын не спит? Ночь на дворе, – гремит голос Ястребова в синем воздухе. И я наконец замечаю симпатичную, чуть полноватую женщину, спускающуюся по ступеням.

– Потому что я не смогла его уложить. Он слишком возбужден, – ее голос, без тени страха и раболепия, действует на меня успокаивающе. Уютная женщина, словно тоже из сказки нянюшка. – Зато он поел. И даже добавку попросил. И болтает без умолку.

– Добавку? – надо же. Что так удивляет отца Тимоши? Ну поел ребенок. Он растет же. Но ошеломление написанное на каменном лице мужчины неподдельное. Да что тут происходит вообще? И мальчик мой сжимается, словно воробышек. Я чувствую, как он напрягается. Замолкает, замыкается. Снова превращается в мальчика Омена, каким я встретила его в первый раз.

– Тебе не кажется, дорогой, что ты слишком строг? – говорю я нараспев, улыбаясь фальшиво, хотя вот если честно, борюсь с желанием треснуть этого бездушного мужика медведем плюшевым по прилизанной шевелюре. – Тимоша молодец. Замечательный. И спать в такой вечер просто преступление.

– В этом доме все подчиняются...

– Я это уже поняла, – перебиваю я ледяной голос Синей Бороды. – Но думаю сегодня можно немного нарушить пра-

вила. Правда же, папочка? Ну не будь... те букой. Тим, ты любишь сказки?

– Да. И мультики. Пап купил мне планшет. Я смотрю про Машеньку. Мам, ты Машеньку видела там у себя на небушке? Там мишка такой смешной. И...

Мне кажется воздух замирает. И становится липким как клейстер. И лицо Ястребова сейчас похоже на маску. Он, кажется дар речи потерял. А вот няня Бу с трудом сдерживает смех, судя по всему.

– Пойдем, ты замерз. – подхватываю на руки Тимошу. Он легкий совсем. Как пушинка. Даже в курточке и теплых штанах почти не весит ничего.

– Нет. Я не мерзну. Давно. Няня Бу говорит, что я...

– Я покажу вашей маме ее комнату, – улыбается женщина, перебивает мальчика на полуслове. – Тимофей, ты с нами? Мама устала, у нее был сложный день. И тебе пора в кровать. Алексей Романович, какие-нибудь указания?

Конечно он с нами. Малыш висит на мне, словно маленькая обезьянка, буквально прилип. И мне сейчас так странно хорошо, что даже страшно.

– Да, меня не беспокоить. И, Маргарита, завтра я жду вас к завтраку. Не опаздывайте. Тимофей, спокойной ночи.

Он уходит. Уходит стремительно. Что это вообще? Ребенок, маленький мальчик, смотрит вслед отцу с такой тоской, что у меня сжимается сердце. Он одинок, в своем доме, рядом с родным отцом, он не получает жизненно необходимо-

го тепла.

– Мама, папа тоже потом станет как раньше? – шепчет несчастный ребенок. – Ты же его вылечишь? Разморозишь как Эльза. Со мной же получилось?

– Обязательно, – обещаю я то, что не смогу выполнить наверняка.

Глава 7

Комната мне не нравится. Обилие розового всех оттенков, сваливается на меня словно облако сладкой ваты, душевное и приторное. Розовая мебель. Розовые ковры, розовый балдахин, розовые занавески. Все в диапазоне от цвета бедра испуганной нимфы до электронной мадженты. Я буквально чувствую, как мигрень подкрадывается к моему измученному сегодняшними треволнениями мозгу. Интересно, кто жил тут в такой красотище? Или это пыточная для гостей? Можно сойти с ума от обилия безумного колора.

– Это комната хозяйки, – видя мое состояние говорит няня Бу, будто мысли читает. Тимоша мнется на пороге. Странно. Такое ощущение, что он боится переступить невидимую черту. Смотрит на меня испуганно и тоскливо. – В ванной новые халаты, необходимые средства гигиены, тапочки. Хозяин велел вам составить список всего, что вам будет нужно. Завтра все доставят. Так же можете пользоваться вещами Ангелины Павловны.

– Нет уж, увольте. Я не ношу чужой одежды, – говорю я вслух, но думаю совсем о другом. «Я не ношу чужой одежды, но примеряю на себя чужую жизнь».

– Право ваше. Тогда я завтра прикажу горничным очистить гардеробы, подготовить для ваших вещей.

Да мне все равно. Я не привыкла к роскошествам. И сей-

час меня мало интересует розовое «бохатство». Потому что мое главное сокровище стоит рядом. А мне и халата хватит с тапками и любимого спортивного костюма, в который, как моя мама говорит, я пустила корни и выросла.

– Тимка, заходи. Ты чего? – улыбаюсь я, стараясь абстрагироваться от мыслей о хозяйке этой комнаты. Настоящей хозяйки. Не самозванки в костюме за три копейки. Странный выбор цветов для замужней богатой женщины. Спальня больше напоминает убежище инфантильной Барби. Даже лампа на прикроватной тумбе, украшена боа из перьев страуса такого ядовитого цвета, что мигрень запускает таки свои щупальца в мою голову.

– Не могу, – всхлипывает мое солнце. И даже шажок назад делает испуганно. – Мне нельзя.

– Мальчику запрещено сюда заходить, – хмурит брови няня. Вот сейчас я злюсь. Как это запрещено? Тимка хозяин в доме. Не посторонний ребенок с улицы, не щенок. Еще немного и я взорвусь. Совсем чуть-чуть осталось. И эта комната только способствует рвущемуся из недр моей души бешенству.

– Теперь разрешено. Тимка, давай не бойся. Вперед. Ты мне мультики обещал. Будем смотреть их на большом экране и есть печенья. Тащи планшет, подключим его к телевизору, – киваю на огромную плазму, занимающую всю стену напротив кровати, похожей на военный аэродром.

– Правда? Печенья? И ты мне разрешишь есть печенья

прямо в комнате? – в глазах малыша загораются искорки. – И ты мне разрешишь с тобой спать?

– Прямо на кровати разрешу. Будем валяться с тобой в крошках и смеяться пока пузо не надорвем. Беги за планшетом, – я смотрю вслед крошечной фигурке, радостно подскакивающей по длинному коридору.

– Маргарита. Простите не знаю вашего отчества...

– Рита. Просто Рита меня зовут. А вас?

– Называйте как все, Бу. Меня так Тимоша назвал, когда только говорить учился, – робкая улыбка на губах няни мне нравится. Она настоящая и искренняя. И кажется эта женщина единственный светлый луч в этом беспросветном царстве Ледяного короля. – Послушайте, Рита, я не знаю, предупредил ли вас Алексей Романович, но... Тима необычный ребенок. И некоторые правила – просто насущная необходимость.

– Нет, меня не предупредили. И я вижу, что малыш прекрасен. Нельзя его дрессировать, как щеночка. Меня назначили мамой, позвольте я буду решать теперь, что нужно малышу, а что противопоказано. Простите, Бу. Но... Я просто возмущена и устала, поэтому кажусь грубой. И плевала я на правила, которые делают плохо ребенку. У меня свои правила. Например, я твердо уверена, что дети должны быть счастливыми. И что они должны детьми быть, а не маленькими роботами. Есть у нас печенья, кстати?

– Я вас понимаю. Очень хорошо понимаю. А печенья...

Слушайте Рита, Тима очень изменился с тех пор, как с вами познакомился. Будто подменили его. Пожалуйста, сделайте его счастливым. И еще, не опаздывайте на завтрак. Он в восемь утра. Кстати, мальчик ест отдельно. Рита, печенья это сейчас излишне.

– Интересно, почему это? – дурацкие правила меня раздражают. Но радует отсутствие Синей Бороды в зоне видимости.

– У Тимоши расстройство пищевого поведения. Рвет после каждого приема пищи. Мы стараемся скорректировать эту проблему, но пока не очень успешно. Поэтому я его кормлю. Вы будете завтракать в столовой, так приказал хозяин.

– Я буду завтракать там, где захочу и с кем захочу. А я хочу с Тимошей. Так и передайте господину Ястребову, – говорю спокойно, но внутри все клокочет. Где он сейчас? Где этот хладнокровный ледяной болван? Его сын, его кровиночка так нуждается в нем. Не во мне или в чудесной этой Бу. Ему нужен отец. Он его любит. И он ему нужен. Черт бездушный.

– Я постараюсь сделать Тимку самым счастливым, – сдавленно шепчу я. Слушаю приближающиеся легкие, очень торопливые шаги. Мой мальчик вернулся, в обнимку с огромным планшетом. – Где завтракает мальчик?

– В кухне. У него своя диета. Мы строго придерживаемся...

– Вы меня слышали, Бу. Я сама буду кормить малыша. И

одевать его буду сама. Читать сказки, укладывать спать. От вас мне нужна только помощь.

– Хозяин будет недоволен. – испуганно мямлит няня. – Маргарита, вы...

– Ужасно страшно, – я подхватываю на руки свое счастье. – Прямо в обморок упаду сейчас. Я не испугалась когда на меня ирландский волкодав набросился. А уж ярость вашего господина как-нибудь переживу.

– Мама, а можно и Пузан с нами посмотрит? – заливи-сто смеется Тимошка. Я вдыхаю его запах и схожу с ума от острого желания его укрыть от всех бед. Спрятать от проблем и страхов. Защитить.

– Конечно. Как без него то? Няня Бу, покажите мне еще и комнату Тимки. Нам будет нужна пижама, книжка со сказками. А потом можете быть свободны.

– Но, Алексей Романович... – испуганно шепчет женщина.

– А его тут нет. Кстати, где он? Я бы хотела, чтобы он пожелал сыну спокойной ночи. Да и мультики ему не мешало бы посмотреть с нами. Может он сможет превратиться в нормального человека из медведя шатуна. Но мы с Тимошей и сами можем сходить к нему.

– Нет. Это абсолютно исключено, – в голосе няни появляется сталь. – Хозяин ночует в другом крыле дома. Туда ходить нельзя. Это даже не правило. Табу. Вы слышите меня?

– Слышу, – отвечаю я, чувствуя, как на меня наваливается

липкая усталость.

– Вот и прекрасно. Я побуду с мальчиком, пока вы переодеваетесь и принимаете душ. Комната Тимофея следующая за вашей. Я разберу постель и принесу вам воды, – частит Бу. Она не уходит не потому, что ей так уж хочется услужить. А потому что боится выпустить меня из зоны видимости. Вдруг я по дому начну бродить. Боже, куда я попала? Ладно, с этим я позже разберусь. Сейчас мне реально хочется смыть с себя липкое безумие и свалиться в кровать со стаканом молока и печеньем. Прижать к себе Тимошку и смеяться над тем как крошечная девочка строит огромного злого мишку. Перевоспитывая его на свой манер. Обо всем остальном я подумаю завтра, как говорила Скардет О Хара.

– Ма, ты куда? – в голосе Тимки столько ужаса неприкрытого, держит меня за руку, до побеления сжав крошечные пальчики на моем запястье. Дышит тяжело.

– Тим, не бойся. Я рядом. Переоденусь и вернусь. Слышишь? – не слышит. Он не слышит. Мальчик в панике, в глазах плещется что-то ужасное.

– Ты исчезнешь.

– Ни за что, – говорю твердо и уверенно. И только теперь понимаю, как попала.

Глава 8

Тимоша засыпет почти сразу. Я никогда не видела, чтобы так спали дети. Вытянувшись в струнку, как солдатик оловянный. Ощущение, что даже во сне он не может позволить себе расслабиться. И пижамка эта дорогая, но какая-то старушачья. Не подходящая мальчику. Как у обитателя дома престарелых, на пуговичках, в серую клетку, без ярких принтов. Безрадостная – вот точное определение. Надо будет купить ему нормальную, с трансформерами, детскую и нарядную.

– Что же с тобой такое случилось? – тихо выдыхаю я, склоняюсь над малышом, чтобы взять на руки и отнести в его кроватку. Он трогательный и очень красивый. Словно кукольный. Наверное мать была ошеломительной, да и отец не подгулял. Улыбался бы чаще, его можно было бы назвать полубогом.

– Нет. Не трогай. Не трогай меня, – я вздрагиваю от пронзительного писка. Задумавшись не замечаю, как Тимоша распахивает глаза. Они сейчас похожи на бездонные черные дыры, полные страха. Он не видит меня, он в таком ужасе, что просто не в состоянии оценивать окружающее. И лобик его покрыт испариной. – Не трогай. Мама. Не прикасайся.

– Тише, Тишка. Тише, – я шепчу успокаивающие слова, хотя мне самой страшно до чертиков. Личико вымазанное

крошками от печений похоже на маску. Ребенок задыхается, а я стою как дура и шепчу какие-то пустые глупости. – Малыш, это я – Рита. Ты слышишь? Все хорошо. Все будет хорошо.

Дую на его щечку, легко, и кажется это его успокаивает. А так хочется прижать его к себе. Укрыть от всех его страхов. Но... Не трогай меня.

– Мама, – в его взгляде я вижу узнавание. И губки трогает легкая улыбка. Прошел странный припадок, слава богу. – Ты другая.

Причмокнув губками, Тимофей мгновенно снова проваливается в царство грез. Будто это не он сейчас выгибался на кровати и задыхался. Да что здесь, черт возьми, происходит? Я не могу с места двинуться. Мне страшно оставить Тимошку даже не секунду. Пусть спит здесь, в этой кровати, в этой комнате, пусть только будет обычным мальчиком и все. Он боится прикосновений, это я поняла. И правила этого дворца не пустые звуки. Они подчинены жизни маленького хозяина дома. Одно я знаю точно, я его не оставлю. Он мне послан судьбой, или богом, или кто там еще посылает старым девам возможность не бесполезно прожить жизнь?

Придвигаю тяжелое кресло поближе к кровати, обваливаясь в него. И мне кажется, что я не смогу заснуть ни за что на свете. Но тут же забываюсь мутным липким бредом. Сном назвать это состояние язык не повернется.

Утро внезапно обрушивается на мой измученный орга-

низм. Кажется, что я просто моргнула и солнце по волшебству выскочило на небо, словно мячик. Но просыпаюсь я не от солнечных лучей, пробивающихся через рюши вырвиглазно-розовой гардины, а от взгляда. Ну да, такой, знаете, взгляд, как в толпе – сверлящий, физически ощутимый. Тело ломит от неудобного положения, в котором я все-таки вырубилась. Усталость и нервы таки сделали свое дело и нашли во мне тумблер выключения.

Тимошка сидит на краешке кровати, свесив ноги. Сидит прямо, не шевелясь, как крошечный робот в пижамке. И у меня по позвоночнику пробегает холодок.

– Ура, мама. Ты проснулась, – увидев, что я открыла глаза, оживает мой мальчик. – Я ждал. Бу говорит, что неприлично мешать людям отдыхать. И я вел себя прилично. А Бу уже приходила, хотела меня кормить. А я подумал, что ты забоишься без меня в этой комнате и не дался. И ты же мне обещала, что мы будем кушать вместе. А вчера меня не стошнило, представляешь. А я печенья ел и молоко пил.

Он говорит это с такой гордостью, будто то, что мы с ним натрескались вкуснятины не обыденность, а великое достижение. Бедный мой ребенок. Не отдам, не позволю его мучить. Никому. Даже если меня потом найдут в потайной комнате этого проклятого замка, как сказочную жену Синей Бороды, висящую на крюке.

– А ты говорила, что мы и завтракать будем вместе. Это же правда? Прямо сам я буду кушать, да?

– Конечно. Только сначала ты сходишь в туалет, почистим зубки, умоемся и...

– Я сам? – распахивает изумленные глазища Тимошка. – Прямо сам? И пасту на щетку мне самому давить? Ух ты.

– Конечно сам. Ты же уже взрослый. Сколько тебе лет?

– Ма, ты чего? Семь, конечно. Вот столько, – показывает пятерню и два пальчика на второй руке малыш. – Но Бу говорит, что она для того и есть, чтобы меня обихаживать. Вот. А в пансионе там нянечки были, но они такие противные, ужас. И кормили меня ужасно, аж зубки было больно. Хорошо, что ты вернулась.

Он соскакивает с кровати, подбегает, обвивает меня ручонками. И у меня сердце заходится от нежности и боли. Нянечек я бы поубивала.

– Беги в туалет, Тишка, – глажу его по голове и чувствую, как каменеет маленькое тельце. – Эй, ты чего?

– Не надо. Не надо. Не надо.

Не знаю что делать. Малыш весь дрожит, сжимается.

– Вас ведь предупреждали, – Бу влетает в комнату, словно стояла за дверью все это время. – Звать Тимофеем надо только его настоящим именем. Рита, вас ждет Алексей Романович. И он уже начинает злиться. Идите в столовую. Завтрак накрыт.

– Я буду завтракать с Тимофеем. Я ему обещала, – говорю ровно и громко, не сводя глаз с мальчика. Он снова похож на простого ребенка. Если конечно к нему применимо понятие

обычности. – И умываться мы будем вместе.

– Ох, девочка, – вздыхает нянька, но глаза ее теплеют. – Накличешь ты на наши головы грозу своим упрямством.

– Мама сказала, что я взрослый, – улыбается Тимоша, демонстрируя трогательную щербинку между зубами. – И пасту я сам на щетку намажу. И потом я сам буду кушать, поняла Бу?

– Рита, Алексей Романович...

– Я сама с ним разберусь, – машу рукой, хотя мне страшно, если честно. – Бу, у Тимофея нет аллергии на продукты? На яйца, например? И где мой костюм?

– Я его выкинула. Так приказал хозяин. Ему не нравилась ваша одежда, – отводит взгляд добрая няня. Черт, я начинаю злиться. И это очень плохо. Очень. Не хочу пугать малыша.

– Тимофей, мы уже выходим из графика, ты наверняка голодный. Так что бегом в туалет, – приказываю я мальчику, возбужденно вертящемуся под ногами. А его и уговаривать не нужно. Бросается с готовностью, но не в санузел моей комнаты, а в коридор. Я слышу как хлопает соседняя дверь. Дверь детской.

– А мне не нравится ваш хозяин, так и передайте ему. Завтракать надо в приятной обстановке, а не глядя на каменную морду человека, который распоряжается чужими вещами, и который родного сына лишает своего внимания, – у меня аж голова от злости кружится. Не наломать бы дров. – И пусть ваш дорогой хозяин хоть на мыло изойдет. Я здесь для того,

чтобы его сын был счастлив, а не он.

– Рита, Алексей Романович любит сына...

– Поэтому не подпускает к себе? Не позволяет малышу быть просто ребенком? Или может из любви он его оставляет без тепла родительского?

– У каждой медали две стороны, – тихо шепчет Бу, но я слышу каждое ее слово.

Глава 9

– Так скажи мне все это сама, – голос Ястребова звучит грозовыми раскатами. Я вздрагиваю от неожиданности, судорожно запахиваю халат на груди. Скорее инстинктивно, он и так весьма целомудренно оббивает мое тело, словно саван. – Ну, Рита-Маргарита, я жду. Бу, к Тимофею.

– Но...

– Быстро я сказал, – голос Ястребова звучит ровно, но няню будто ветром сдувает. Была и нет. – А ты куда собралась, дорогая?

Куда? Да куда угодно. Лишь бы не чувствовать ледяных игл ужаса впивающихся в мой позвоночник гадкими сосульками. Но показывать страх – значит расписаться в собственном бессилии и трусости. А я не желаю пасовать перед этим проклятым всеми богами, злом во плоти. А как иначе назвать человека, который собственного чудесного сына дрессирует как собачонку неразумную. Я со мной этот номер я ему провернуть не позволю.

– Вас не шокирует, что я в халате? – стараюсь звучать насмешливо, насколько это позволяет идиотская ситуация. – Простите, но какой-то гад приказал выкинуть мой любимый костюм.

– Это тот на котором пятно на ляжке странного цвета и надорван капюшон? – насмешка в его глазах кажется издева-

тельской. Злая насмешка. – Тогда этот гад я. И я способен не только дешевый костюм приказать уничтожить, ты ведь это понимаешь? Ненавижу плохие вещи. Те, которые склонны к неповиновению и самовольству, грязные и неподдающиеся химчистке. Я достиг достаточных высот, чтобы позволить себе окружать себя хорошими вещами, служащим добрую службу.

– Вы скот, – я задыхаюсь от яростного неприятия настоящего. Ненависть? Нет, это даже не она. Это страх. – Значит для вас все вещи? И ваш сын? Злобный монстр вы.

– Ты ошибаешься, я хуже. И ты боишься, Рита. Потому что понимаешь, что я не выпущу тебя. Никто ведь даже не знает где ты, – он ухмыляется, но глаза его при этом ледяные. И я чувствую, как колют позвоночник ледяные иглы, врастают, пробивают кожу. Да, я боюсь этого человека. Аж ноги слабнут.

– Страх – один из основных человеческих инстинктов. Точнее, чувство сохранения. И да, сейчас мне страшно, – я говорю ровно, хотя хочу кричать. – Вы это хотели от меня услышать?

– Тогда ты должна понимать, что то, что чувствует мой сын – это даже не страх. Ты ведь слышала сегодня ночью, как он кричит? – щурит глаза Ястребов. Красивые глаза. Цвета полевых васильков. Но они будто неживые. Сейчас в них боль и ярость.

– Нет. Тимофей не кричал, – я говорю чистую правду. Но

вижу во взгляде хозяина неверие. – Один раз ночью испугался, но я его успокоила. И если бы вы...

– Ненавижу когда мне врут, – его рык похож на гром в горах. И будь я послабее, наверняка бы свалилась в обморок. Но, я ведь обещала моему мальчику завтрак, так что кисейные проявления излишни сейчас. – Бу. Бу, сюда иди, быстро, – кричит он, подняв голову к потолку. Блин, он сумасшедший. Куда я попала?

Няня появляется сразу. Я не знаю, как у нее так получается, но обязательно выясню.

– Не кричал, – с порога рапортует Бу, как солдат, не дожидаясь вопроса хозяина. – И после печенья с молоком его не рвало. Один раз был приступ, но, Маргарита справилась. Она интуитивно делает то, с чем не справляются дорогие психологи.

– Подождите, вы что...? Вы за мной следите? – я аж дышать забываю. От злости кипящей во мне словно лава.

– Конечно. Эта часть дома находится под постоянным видеонаблюдением. За комнатой Тимофея наблюдает охрана. За вашей Бу, – черт, он даже не видит моего возмущения. Точнее не так, ему плевать. – Вы же девочка, – ухмыляется он.

– И на том спасибо. Но, девочка вынуждена послать вас на три веселых, господин Ястребов. Девочки они такие, вы бы должны это знать. Не получится у нас с вами сотрудничества. Я собираюсь и уезжаю. Прямо сейчас. Прямо в хала-

те. Пешком ухожу. Лишь бы не видеть вашей самодовольной рожи. Вы безумны, это даже без психиатра видно.

– Никуда ты не уйдешь, – улыбка сходит с губ Ястребова, будто ластиком стирается. Передо мной снова зверь. Хитрый, сильный, опасный.

– Потому что вы прикопаете меня под миндальным деревом, в случае неповиновения? Тем что растет у ворот.

– Потому что ты не сможешь бросить моего сына. И я прав. Ты очень предсказуема, дорогая. Очень, – он оказывается возле меня в один прыжок, я даже моргнуть не успеваю. Сильные пальцы сжимаются на моем подбородке, и я вижу его глаза совсем рядом, будто смотрюсь в странное бездонное зеркало. Я слышу как тихо ахает Бу, и слепну от злости. Нет, мне не больно. Он аккуратен, даже нежен насколько это возможно, гладит пальцем большим мою губу нижнюю. Наслаждается моей растерянностью. Сжимаю руку в кулак и бью не разбирая куда. Мне кажется, что кулак врезается в каменную стену.

– Молодец, Рита. И я точно уверен, что поступаю правильно, – шепчут каменные губы.

– Пусти, – я шиплю, но не дергаюсь. Словно гипноз, ворожба или еще какая богомерзкая сила исходит от этого мужчины.

– Папа, пусти маму, – звенит детский голосок, словно ветром свежим занесенный в эту чертову розовую комнату. – Пусти ее. Слышишь? А то я тебя стукну. Пусти ее.

Тиски, сжимающие мою душу слабнут. Вместе с захватом сильных пальцев. Глаза хищника теплеют, и даже в них появляется подобие страха и раскаяния. Дурдом. Но в одном он прав, я не уйду. Я не смогу предать мальчика, который бросился меня сейчас спасать.

– Жду вас к завтраку, – он идет к выходу не оглядываясь.

– Я уже сказала, что буду завтракать с Тимошей, – выплевываю в широкую спину. Малыш жметесь ко мне. Но сейчас он не напуган, он... Зол? Вздрагивает, и его дрожь передается мне. – И вам бы стоило. Ему нужен отец, а не злобный дракон, следящий за ним неусыпно.

Ястребов замирает на пороге. Поворачивается медленно. Ну да. Он меня точно убьет, растворит в ванне с кислотой в подвале этого замка Дракулы. Никто же не знает, где я.

– Бу, распорядись, чтобы в столовой поставили прибор для моего сына. И пусть Маргарита скажет, что приготовить Тимофею. Завтрак через полчаса. Не задерживайтесь. – Халат – бомба, кстати. Тебе идет, дорогая, – поворачивает ко мне лицо, и я вижу в бездонных глазах чертово веселье. – И прическа.

– И камеры уберите из моей спальни, – я наглею. Он поднимает бровь.

– Начнем с семейных завтраков, – ухмыляется Алексей Романович. – Ты слишком нахальная, мама моего сына.

Глава 10

Стол, покрытый белоснежной льняной скатертью, кажется мне жертвенным алтарем. И приборы начищенные так, что аж слепят, брать в руки неохота. Я не голодна, а может это просто от нервов у меня скручивает желудок в тугой узел. Или от молчаливого взгляда хозяина дома, сидящего прямо напротив меня, во главе проклятого капища, заставленного корзинами с хлебом, сырными тарелками, икорницами и прочими атрибутами очень богатой жизни. Воздух пахнет ошеломительным кофе. Вот за него я пожалуй продала бы кусочек души.

– Мама, ты не будешь меня кормить? – тихий голосок Тимоши заставляет меня вздрогнуть. Смотрит на меня глазами испуганными. Ему тоже неуютно и непривычно.

Ястребов откладывает в сторону серебряный нож, которым до этого мазал масло на хлеб. Смотрит теперь выжидающе.

– Мы же договорились, что ты взрослый, – я улыбаюсь одобрительно, показываю малышу на яйцо в красивой подставке. – Ты ведь любишь яички?

– Я не знаю, – таращит глазенки мой малыш. – Бу меня кормила всегда растертым супчиком и суфле. Не люблю суфле, – шепчет он. Яйцо его интересует. Но больше пугает, как мне кажется.

– Тогда будем пробовать. Бери его в руку, вот так. А теперь бей.

– Бить? За что? А мы читали с Бу, что из яичек цыплята появляются. Я если стукну яичко, то могу случайно птичку обидеть, – шепчет Тимоша. Алексей Романович молчит. Ни слова, ни вздоха. Гробовая тишина. – Ма, нельзя никого обижать. Нельзя. Биться нельзя. Нельзя. Нельзя.

– Конечно нельзя, родной. В этом яичке нет птички. Я тебе потом расскажу почему. Но зато оно полезное для семилетних мальчиков. В нем много белка. Давай, смелей.

– Рита, вам не кажется, что ребенка надо учить этикету и пользованию приборами? – прерывает молчание отец Тимки. – Например яйцо...

– Ребенка надо учить быть ребенком. Мы в детстве об лоб били яйца. Это было весело.

– Поэтому ты такая твердолобая? – он снова щурится. Но сейчас не страшно, даже как-то уютно, что ли.

– А еще в семь лет дети должны уметь самостоятельно есть, играть, умываться, улыбаться. Но главное их умение – умение быть счастливыми детьми, – игнорирую я издевку про мой лоб. Хотя в чем-то он прав. Я твердолобая и упрямая. Так и моя мама мне говорит.

– А я сам сегодня умывался, пап. И мама сказала, что я молодец. И мы пойдем играть в футбол сегодня. Представляешь? – радостно ерзает на стуле мой мальчик. Мой. Странно.

– Бей яйцо, – приказывает отец сыну. – Раз мама сказала.

– А как? – мальчик смотрит на своего отца, как на бога. Как на высшее существо. И мне не по себе становится, словно я вмешиваюсь, разрушаю это хлипкое равновесие между сыном и отцом.

– Прямо об стол, как сказала... – Алексей Романович запинается на полуслове. С трудом проталкивает, – мама.

Тимка стучает по столу куриным зародышем робко, будто боится, что его за это ругать будут.

– Смелее, – подбадриваю я, – это даже весело. Сейчас съедим яйцо, запьем его какао и... Кстати, дорогой, нам нужен мяч, и краски с альбомами, и еще куча всего. А еще, нам нужен ты...

– Что? Дорогой? Хс... – в голосе хозяина плохо прикрытое недовольство. А в глазах...

– Я думала ты тоже захочешь поиграть в футбол с сыном. Это вообще-то мужская игра, – улыбаюсь, из последних сил борясь с желанием отвести свой взгляд от полного недоумения взгляда Ястребова. Он сжимает нож до побеления в костяшках. И он растерян.

– Ух ты, папа, смотри. Яичко сломалось.

– Теперь его надо очистить. Вот так, – снимаю скорлупу с белка, аккуратно, вместе с Тимошей. Маленькие пальчики неумело отковыривают крошечные кусочки.

– Получается. У меня получается. Папа, смотри, – шепчет сокровище. А у меня слезы наворачиваются. Он совсем крошечный, беззащитный, такой трогательный в своей наивно-

сти.

Нож с грохотом летит на стол. Ястребов отодвигает стул, так, что кажется проломит пол. И Тимка сжимается снова. И мне хочется взять чертов нож и метнуть в этого ледяного болвана, может быть тогда из скорлупы пробьется росток человечности, которая, как мне показалось все таки иногда проглядывает в этом странном мужчине. Да нет, все таки, наверное, показалось.

– Ты молодец, – словно гром в горах, грохочет Ястребов. Странная похвала. Какая-то абсолютно безумная. – И вы молодец, Рита. Простите. Но мне пора на работу. Напишите список нужного, вам все доставят. И, дорогая, на будущее, я сам буду решать когда и что мне делать.

– Я вас обидела? Простите, – без тени раскаяния говорю я, не сводя глаз с хозяина. Он не зол, он... Я даже не знаю, как описать, то что вижу. Он будто в панике, словно ест сам себя заживо. И сердце мое колет противная тонкая игла жалости. Хотя кто я такая, чтобы жалеть небожителя?

– Мама, это так вкусно. И какао. Ух ты. И никто не пихает ложку мне в рот, когда я не хочу, – Тимоша рушит повисшую в воздухе тьму, заполняя ее радостью. – Я никогда не пробовал.

– Тебя не тошнит? – задумчиво интересуется Алексей. – Бу, это мой сын, не подменили? – поворачивается он к няне, застывшей на стуле, рядом с Тимошей. И кажется она все время молчала и боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть

что-то, чего все очень долго ждали. – Тишка-Тихоня.

– Немного, – мой мальчик вдруг бледнеет и начинает сползать со стула. Будто кто-то нажал на кнопку, чтобы его сломать. Тишка-Тихоня. Ротик его открыт в немом крике. Я подхватываю легенькое тельце. Он снова смотрит куда-то в пустоту. Прижимаю к себе, покачиваю. Бу бросается к нам, но Ястребов взмахом руки ее останавливает, не сводя глаз с меня и своего сына. А я словно плыву в темноте к точке света. И тут сейчас существуем только я крошечный малыш.

И тоненькие ручки вдруг обвивают мою шею. И снова в мир возвращаются цвета и краски.

– Три минуты, Бу. Всего три, – шепчет Ястребов. – Когда в прошлый раз была терапия, какой рекорд был?

– Десять. Вы видите? А я что вам говорила, – улыбается няня.

– Вы ничего мне не хотите объяснить? – сиплю я. От страха у меня дрожат поджилки. – Что за чертовщина тут происходит?

Тимоша в моих руках расслабляется, смотрит на меня удивленно.

– Сейчас вы его пугаете, Рита. Бу, забери мальчика. Мама права. Нам надо поговорить, – смотрит прямо мне в душу Синяя Борода.

Глава 11

– Теперь ты поняла, почему я требую называть моего сына только полным именем? – Ястребов спокоен, но это только видимость. Этот жесткий человек умеет прятаться за масками, теперь я это поняла.

– Вы... Да как вообще вам в голову пришло показывать мне ваши изощренные эксперименты над маленьким несчастным ребенком? Три минуты чего? Его мучений? Это страшно долго, вы слышите? Что за адские вы твари? – я задыхаюсь. Готова его растерзать сейчас, слепну от боли малыша, которая передается и мне, вместе с его страхом и атакой паники. – Вы просто... Вы даже не монстр, вы что-то большее. Самое темное нечто, которое я только встречала в своей жизни.

– Я обычный человек. И три минуты – это время приступа. Длительность, которая с момента вашего появления в жизни мальчика стало в три раза короче. Поверьте, это не долго, в сравнении с деятью минутами лютого ужаса, – морщится Алексей Романович. – Просто я показал вам то, что вы должны были увидеть, чтобы понять, почему вы тут. Вы знаете, что такое триггеры?

Я молчу. Схожу с ума от того, что не вижу Тимошку, и не знаю, что сейчас с ним. Я его чувствую, он совсем рядом. И ему страшно.

– Конечно знаете, Маргарита. Вы ведь по первому образованию медик. И вы видели, что происходит с мальчиком. Но с тех пор, как вы появились в его жизни он очень изменился. Каким то чудом вы интуитивно связаны. Вы будто одно целое. Я имел возможность наблюдать это слияние. Ощущение, что вы забираете на себя часть страха Тимофея. Ну, или... Для моего понимания это не очень доступно. И еще вы знаете, что не уйдете отсюда. И не потому, что я закопаю вас под миндальным деревом, как вы себе нафантазировали, хотя иногда есть желание. Я держать вас не стану, даже заплачу хорошо за то, что попробовали. Но вы останетесь, потому что...

– Я не могу оставить мальчика, – хриплю я. Каждое его слово вливается в мою душу острым ледяным осколком, прорастает, пускает корни. Он прав.

– Ну вот, я в вас не ошибся, – улыбка на лице хозяина не самодовольная, даже мягкая. – Вы будете прекрасной матерью.

– Что случилось с Тимофеем? Что его так испугало и сломало? – задаю вопрос. И смотрю как тает проявление нормальной эмоции в облике Ястребова. И он снова ледяной, как айсберг в океане, губящий огромные корабли. Меня он сокрушил даже усилий не прилагая. – Вы сказали, что нам надо поговорить. Так говорите, черт вас возьми. Я должна понимать, что пережил ребенок. Что такого произошло в его коротенькой жизни, что так на него повлияло? Я хочу... Я

хочу его укрыть от всего, если вы не можете. Мне не нужно было показывать сегодня бесчеловечных экспериментов над крошечным мальчиком. Можно было просто объяснить.

– Послушайте, Рита, вы поэтому бросили карьеру врача, которая шла в гору, и теперь прививаете котят? Не смогли видеть страдания каждодневные, ведь так? Специальность, которую выбрала ваша мама для вас оказалась непосильной ношей, а вы привыкли подчиняться маме. Точнее спорить с ней считаете бессмысленным. Потому и живете чужую жизнь. Жизнь вашей мамы, это ведь она мечтала о полученной вами профессии? Котят тоже жалко, но вы не видите, что происходит с ними после того, как из купят. Я ведь прав? Вы даже ветеринаром не стали, хотя выучились. А потом испугались, когда вам старого пса на эвтаназию принесли. Жалость – дурное чувство. Оно затмевает разум, не позволяет видеть то, что нужно. И тому псу было бы лучше, наверняка без боли. Но мы переживаем только то, что видим и чувствуем мы. И ваше милосердие по факту совсем не доброе.

– Жалость и милосердие – никогда не были пороком или грехом, – у меня кружится голова. Он знает обо мне все. Наверняка даже цвет моих трусов, натянутых под чертов халат. Это напрягает и пугает. Он знает обо мне все, а я о нем...

– Лишние знания – многие печали, Маргарита. У моего сына расстройства психики, вызванные пережитым в детстве стрессом. Этого достаточно, для того, чтобы понимать зачем вы здесь. Острые посттравматические расстройства у де-

тей не лечатся медикаментозно. Психологам не удалось пробить броню, выросшую на душу моего мальчика. Поверьте, их сонм был. Дорогих, облеченных титулами. Но ни один из них не добился за два года того, что вы сделали за несколько суток.

– А зачем я здесь?

– Просто дайте Тимофею то, что ему нужно – любовь и ощущение нормальности. И выполняйте правила дома. Это единственное условие, – машет рукой хозяин, давая мне понять, что разговор наш закончен. Ни о чем разговор, если честно. Не проливающий света ни на один мой вопрос, который рвет мой мозг в лоскуты. – А я свое обещание выполню.

– Вот именно, что ощущение. Вы себя слышите, вообще? Мы ребенка обманывает, дарим ему иллюзию, которая в один прекрасный момент лопнет, как мыльный пузырь, и сделает ему еще больнее.

– Не сделает, потому что... – я знаю, что он хочет сказать. Больнее уже некуда. Но Ястребов ловит несказанные слова, вдыхает судорожно в себя, и снова превращается в небожителя. Сидит за дорогим столом красного дерева, словно каменная статуя, смотрит сквозь меня. – Вы свободны, Рита. Да, скажите Бу, чтобы дала вам телефон, позвоните родным, чтобы не волновались. И еще, напишите список. Думаю, вам неудобно будет играть в футбол в этом халате, и кстати, вам он идет. Я бы посмотрел даже на это действо.

– Обрыбьтесь, – бурчу я себе под нос. – И если это флирт,

то очень фуфловый. Я давно не ведушь на нелепые подкаты. Учтите, у нас отношения только рабочие.

– Я это учту. Но можно было не предупреждать. Я давно не пристаю к женщинам в спортивных костюмах. Что-то еще? – я мнусь на месте. Он меняется так странно, как морской день. То айсберг, то просто уставший человек, на плечах которого, кажется, даже не плиты каменные, а целая планета, то черти смешливые в глазах, которые меняют этого мужчину настолько кардинально, что кажется передо мной другой совсем человек.

– Но ведь Тимоша понимает, что я не его мама. Как вы объясните ему...

– Он не понимает. Есть понятие в психиатрии «Симптом избегания». Он не помнит ее лица, и общения с матерью тоже не помнит. Замещает воспоминания. Вы сейчас для него та, кого он сам создал в своем подсознании. Вы его мама. А теперь, простите, мне надо работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.